

Смысловой подход к праву как интегральное основание типологии новых юридических знаний

Гаврилова Ю.А.,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Волгоградского государственного университета
E-mail: juliagavt@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена обоснованию смыслового подхода к праву как объединяющей платформе в процессе объяснения, описания и понимания научной новизны юридического знания. Автор считает, что для сближения позиций ученых по вопросам правопонимания представляется необходимым соотнести с этими вопросами проблему характера и специфики правового знания, которое неоднородно и зачастую различается в рамках соответствующих типов научной рациональности: классической, неклассической и постнеклассической. В этой связи предлагается авторское видение решения проблемы «несводимости» различных подходов к праву (обеспечения его интегральности или интегративности), поскольку наиболее глубинным философско-мировоззренческим основанием такого совмещения выступает смысл права. Автор приходит к выводу, что смысловой подход позволяет не только оптимально сочетать материально-бытийные и идеально-духовные компоненты феномена «права» в обществе, но и универсализировать алгоритмы получения нового правового знания в единстве классики, неклассики и постнеклассики.

Ключевые слова: научная рациональность, научная новизна, юридическое знание, смысл права, смысловой подход к праву, гуманизм, правовая культура.

Проблема новизны научного знания сравнительно мало в отечественной литературе связывается с понятием смысла человеческого бытия и познания. Однако ответ на вопрос об уровнях, критериях, способах получения и пределах научного знания существенно различается в зависимости от того, в рамках какого типа научной рациональности оно рассматривается: классической, неклассической и постнеклассической. В дополнение к этому заметим: проблема усложняется ввиду того, что помимо традиционно признанных эмпирического и теоретического уровней знания существует метатеоретический уровень (философский и общенаучный), а между соответствующими концепциями знания идет борьба за право называться универсальной и общенаучной его платформой.

В журнале «Вопросы философии» за 1989 г. № 10 академик В.С. Степин поставил проблему типологии научной рациональности и дал на тот момент времени краткое обоснование ее решения: классическая, неклассическая и постнеклассическая рациональность. Выделение этих типов основывалось на трех критериях: 1) картина мира, задающая обобщенный образ предмета данной науки, в виде категориально осмысленной «сети» связей и отношений; 2) идеалы и нормы науки, определяющие обобщенную схему метода познания: образцы описания и объяснения фактов, правила доказательного обоснования и построения научных теорий; 3) философско-мировоззренческие основания науки, обосновывающие как существующую картину мира, так и нормативные структуры науки соответствующей исторической эпохи, обеспечивающие их взаимную «стыковку»

и согласование¹. В настоящей статье мы придерживаемся именно этого взгляда.

Данная позиция была развита ученым в его многочисленных публикациях за последние четверть века и в отечественной философской литературе стала общепризнанной, за некоторыми терминологическими нюансами. Например, В.В. Ильин вместо «постнеклассики» употребляет понятие «неонеклассики», в остальном солидарен с В.С. Степным². В.С. Швырев рассматривает эти явления как «закрытую» и «открытую» рациональность, где «закрытой» рациональности соответствует уточнение исходных оснований теории путем имплементации в нее и интерпретации нового познавательного содержания (классика и неклассика. — Ю.А.), а «открытая» рациональность предполагает, как учет содержательных аспектов нового научного знания, так и возможность пересмотра самих фундаментальных предпосылок, на которых знание покоится (неклассика и постнеклассика. — Ю.А.)³.

Отрадно, что по вопросам новизны научного знания позиции представителей юридических и других социально-гуманитарных наук явно сближаются, например, мнение В.М. Сырых, крупнейшего исследователя проблем правовой методологии⁴, и В.М. Полонского, исследующего этот вопрос применительно к педагогическому про-

¹ Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.

² Ильин В.В. Классика — неклассика — неонеклассика: три эпохи в развитии науки // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 1993. № 2. С. 16–34.

³ Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 39–73.

⁴ Сырых В.М. История и методология юридической науки: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. С. 245–255.

ектированию и образовательным технологиям. Оба автора склонны думать, что уровень новизны определяется степенью преобразования, дополнения и конкретизации имеющихся научных данных, а для этих целей В.М. Полонский разрабатывает и применяет самостоятельный объектно-компонентный метод⁵.

Классическая рациональность возникла и развивалась на волне первых крупных достижений естествознания и экспериментального освоения природы в период Возрождения и Новое время (XVII — вторая половина XIX в.). Под влиянием идей Ф. Бэкона, Г. Галилея, Р. Декарта, П. Лапласа, И. Ньютона сформировались ее основные параметры: статизм и механистическая картина мира, приоритет абсолютной истины, абсолютной достоверности наглядного опыта, редукционизм и объективный (линейный) детерминизм.

Классическая рациональность в праве представлена в основном, по терминологии В.С. Нерсисянца, легизмом и юснатурализмом⁶. Однако при любом восприятии права как выраженного в государственных законах либо вытекающего из «естественной» природы вещей и разума, оно оставалось замкнутым самодостаточным объектом. В юридической литературе это находит выражение в распространенной формулировке учебного предмета теории государства и права: «общие закономерности возникновения, развития и функционирования государства и права в человеческом обществе». Считается, что право — это своеобразная «тайна или загадка», которую юрист-исследователь должен разрешить, выявив его рациональную обустроенность и целесообразность, свойственную ему имманентную логику развития.

Весьма характерно для классического правоведения следующее. Теоретико-правовое знание продуцируется непосредственно из эмпирических схем юридической практики, а наиболее рефлексивно это проявилось в советский период развития отечественного правоведения (а в некоторых моментах остается в настоящее время). Утверждалось, что любой теоретический вывод или общее положение должны иметь пример (подтверждение или опровержение) в юридической практике.

В этой связи можно выделить классические критерии научной новизны юридических знаний: 1) введение нового объекта исследования, в том числе, когда старый вопрос по-новому ставится относительно этого нового объекта; 2) новая постановка известных задач и проблем; 3) новые выводы из сложившейся теории применительно к новым условиям; 4) новое обобщение юридической практики и анализ его экспериментальных

последствий. Возможно выделять и другие классические критерии.

Неклассическая рациональность появилась как результат осмысления новых фундаментальных открытий в физике, химии и биологии (конец XIX — первая половина XX в.) и характеризуется переключением режима познания с объекта на метод. Основными познавательными ориентирами здесь выступали уже релятивизм знаний о мире, антиредукционизм, дополнительность и т.д., а классическая логика «постороннего» наблюдателя, изучающего право со стороны, заменяется позицией «включенного» наблюдателя, который вместе с познаваемым фрагментом юридической действительности составляет некоторую общую реальность. В связи с этим выдвигается допущение, что право не только «объективно» само по себе, но требует учета позиции субъекта, которого нельзя полностью элиминировать (устранить) из познавательного процесса ввиду его погруженности в саму объективную действительность. Впервые начинает осознаваться факт, что право теперь уже не простое изолированное образование в числе других социальных систем, а сложная саморегулирующаяся подсистема, находящаяся с другими ячейками общества в постоянном и непрерывном взаимодействии.

В системе юридического знания неклассическая составляющая проявляется в том, что каждый юрист-исследователь изучает один и тот же объект (право) в своих конкретных условиях места и времени, а также с помощью разных исследовательских инструментов, выявляет различные грани и стороны этого объекта. Вследствие сказанного вместо одной универсальной и единственно верной теории признается одновременное существование нескольких истинных теорий, описывающих юридическую действительность, причем в каждой из них может содержаться, а зачастую по необходимости и присутствует, часть объективно-истинного знания о праве. Множество подходов к праву и разнообразие способов решения проблемы правопонимания в современной российской юридической науке представляют собой хрестоматийный пример «вторжения» принципов неклассического знания в правовую сферу.

Отсюда актуализируется вопрос о неклассических критериях новизны юридического знания, в числе которых можно отметить такие: 1) разработка нового метода исследования; 2) выявление новых перспектив (областей) использования ранее существующих методов; 3) совершенствование или выведение на новый теоретический уровень осмысления внутренних компонентов метода (анализ, расчет и т.п.); 4) формулирование новых критериев и показателей оценки объектов правового регулирования, если их функционирование связано с множеством факторов или исходных первоначальных условий и пр.

⁵ Полонский В.М. Словарь по образованию и педагогике. М.: Высшая школа, 2004. С. 427.

⁶ Нерсисянец В.С. Философия права: учебник. М.: Изд-во «НОРМА», 2005. С. 54–57, 65–68.

По нашему мнению, исследование теоретических проблем правоведения уже в послевоенный советский период шло в виде некоторого синтеза классики и неклассики. Например, в 50-х гг. XX в. профессор С.Ф. Кечекьян одним из первых высказал мысль о необходимости включать в содержание права не только нормы права, соответствующие духу классической рациональности, но и правоотношения, воплощающие живое деятельностное начало и свойственное неклассике⁷. Профессор Л.С. Явич развивал подход к сущности права разных «порядков», что соответствует единому и многоуровневому видению права в неклассике⁸. В рамках категории «правовая система» в 80-х гг. XX в. огромный коллективный вклад таких ученых, как С.С. Алексеев, Ю.А. Тихомиров, Н.И. Матузов, В.К. Бабаев и других, способствовал значительному примирению «узкого» и «широкого» подходов к праву, что можно рассматривать как «предтечу» и максимальное приближение к постнеклассическому состоянию правовых знаний⁹.

Наконец, в постнеклассической рациональности (60–70 гг. XX в. до настоящего времени) представление о целостном и системном построении права дополняется идеями его социальной эволюции, а активной и движущей силой процесса познания становится человек, на проблемы которого «замыкаются» и объектный, и инструментальный подходы. Право окончательно становится предметом философского и общенаучного анализа, а внутринаучный критерий объективной истины дополняется этическим содержанием полученных научных знаний, оценкой социальных и культурных последствий их использования в прошлом, настоящем и будущем.

С гносеологической точки зрения процесс выработки и понимания научного знания в постнеклассике характеризуется уже не только как познание (классика) и не столько как преобразование (неклассика), а как проектное конструирование особого мира «человекообразных» объектов (В.С. Степин) на основе творческой способности мышления (креативности), не исключающего воображение, интуицию и иные иррациональные средства.

Необходимо специально оговорить, что существуют две версии постнеклассики: западная и отечественная. Западная версия представлена в основном философским постмодернизмом (Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, М. Фуко и др.) и является более жесткой и радикально настроенной по отно-

шению к предшествующим типам рациональности — «модерну» и «традиции», — несущим катастрофу для человечества. Мир есть универсальная субъективность, не знающая границ, поэтому постмодернисты предлагают говорить не о «субъект-объектной оппозиции», а о «субъект-субъектных» взаимоотношениях, проблемах «коммуникативной рациональности» (Ю. Хабермас) «растворении» человека в знаково-семиотических пространствах, не о понятиях, а о «симулякрах» (по сути о предельно и субъективно обобщенных «аналогах» понятий) и т.д.¹⁰

В отличие от сказанного, в отечественной философской школе науки и техники (В.С. Степин, В.С. Швырев, В.В. Ильин, М.А. Можейко, В.Г. Буданов и др.) представлена более мягкая и интегративная версия постнеклассики. Гуманистические ориентиры научного познания имеют объективно заданные пределы, определяемые общим состоянием культуры данного конкретно-исторического общества, господствующими в нем мировоззренческими взглядами и ценностными установками. В этом состоит коренное отличие отечественной философской постнеклассики от западного постмодернизма. Для национального права это имеет принципиальное значение, поскольку образуется новое его этико-гуманитарное измерение, в котором оно как особое явление активно подключается к решению глобальных проблем человечества: мировых экономических кризисов, ядерного оружия и терроризма, экологии, самореализации человека в информационно-виртуальной среде и др.

Как частные следствия из этой теории предлагаются два пути гуманизации права: приоритет человеческой личности как уникальной и неповторимой ценности (гуманизм в собственном смысле термина) и сохранение, выживание человечества как биологического рода или вида (проблема так называемого трансгуманизма)¹¹. Между этими исходными пунктами может и должен быть найден определенный баланс в процессе политико-правового сопровождения и оформления различных групп ценностей и интересов.

Постановка проблемы человека в центр постнеклассической науки вызывает затруднения в определении особенностей постнеклассических критериев научной новизны. По сравнению с известным «объективизмом» классики и «методологизмом» неклассики создание нового, идеального субъекта вряд ли возможно, а легче дать новую трактовку, интерпретацию субъекта, хотя и это является весьма проблематичным. Мы думаем, что выход из

⁷ Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М.: Изд-во «АН СССР», 1958. С. 5–48.

⁸ Явич Л.С. Общая теория права. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1976. С. 85–100.

⁹ См., напр.: Матузов Н.И. Правовая система развитого социалистического общества // Советское государство и право. 1983. № 1. С. 18–19.

¹⁰ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013. С. 16–67.

¹¹ Истоки комплексного анализа философской проблемы человека и гуманизации науки параллельно восходят к работам академика И.Т. Фролова. См. подробнее: Фролов И.Т. Перспективы человека: опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. М.: Политиздат, 1983. С. 328–338.

этого положения дел можно предложить на основе теоретических и практических критериев.

Теоретические критерии постнеклассической научной новизны выражают идеальные ориентиры, к которым должна стремиться реальная познавательная деятельность, а именно: 1) обоснование единой правовой картины мира в сторону ее большей интегративности и целостности; 2) усиление комплексности методологии права; 3) разработка универсальных моделей исследования правовых процессов и явлений на основе междисциплинарных и проблемно ориентированных исследований; 4) использование передовых концепций отечественных и зарубежных ученых, если они впервые привлекаются для решения традиционных проблем и т.п. Что же касается практических критериев, они отражают реальное состояние дел в постнеклассической науке и степень приближения социальных институтов к некоторому суператтрактору («идеалу всех идеалов»), а в их числе можно назвать: 1) совершенствование институтов социального и правового государства; 2) оптимизация функционирования всех элементов гражданского общества; 3) воспроизводство самобытности национально-культурных правовых традиций; 4) обеспечение юридической защищенности личности в эпоху глобализации и др.

Мы считаем, что объединяющей платформой для всех типов научной рациональности под углом новизны юридического знания является смысловой подход к праву, где смысл права — это «краеугольный камень» этого подхода. Если исходить из того, что постнеклассическая рациональность является новой, более широкой и объемной картиной мира, включающей классические и неклассические компоненты в качестве частных случаев, то результирующим вектором последовательного анализа сущности и содержания права выступает его смысл, а связи между ними и смыслом права различаются с точки зрения наращивания информационно-познавательной глубины его понимания.

В классической рациональности понятие сущности права относится к числу исходных и ключевых, в неклассическом правоведении право характеризуется также разнородностью содержания, в отношении которого обычно и говорят об интегративности правовопонимания. При рассмотрении права в системе многообразных социальных явлений, помещении его в контекст современной культуры общества оно приобретает еще и общий гуманистически ориентированный смысл, соответствующий постнеклассическим принципам. Поэтому смысловой подход к праву означает здесь способ связывания классической, неклассической и постнеклассической научной рациональности на уровне корреляции понятий его сущности, содержания и смысла.

Отмеченные тенденции развития научного знания отражаются в правовой науке специфическим образом. В настоящее время на роль фундаментальной общенаучной парадигмы юри-

дического знания стала претендовать правовая синергетика как составная часть учения о «глобальном эволюционизме». По нашему мнению, такой подход в принципе возможен, но ставить знак равенства между постнеклассикой и синергетикой в праве пока еще далеко рановато. Как отмечает А.Ф. Степанищев, в структуре общенаучного знания «вырисовываются» два уровня, первый из которых исторически представлен логикой и математикой, а второй — статистическими и вероятностными методами, системным подходом, теорией информации, кибернетикой и в порядке «очередности» исторической эволюции — синергетикой, т.е. с позиции генезиса это «пятый» компонент второго уровня общенаучного знания¹².

В последние десятилетия в отечественном правоведении расширился круг публикаций, относящихся к «постклассическому» правоведению, которое идентифицирует себя в большей мере как противовес классическому позитивно-правовому знанию, что достаточно очевидно. В то же время при сопоставлении с философскими воззрениями и фундаментальными теоретическими схемами выявляется проблема «сводимости» или «несводимости» этих подходов к праву с точки зрения их места и роли в общей системе научной рациональности.

Например, в оглавлении фундаментальной монографии И.Л. Честнова «Постклассическая теория права» (2012 г.) перечисляются отличительные признаки современного правового постмодерна, однако из них правовой релятивизм, деконструкция права (как интерпретация его возможных смыслов и значений. — Ю.А.) и контекстуализм по традиции относятся к «неклассике», а деконструкция рациональности права (разрушения его классических традиций. — Ю.А.), антифундаментализм, конструируемость, знаково-символические и мифологические формы выражения — собственно к «постнеклассике» (при всем глубоком уважении к авторской антропо-диалогической концепции правовопонимания, которую мы полностью поддерживаем и считаем необходимым всячески развивать)¹³.

Аналогично строится мысль Е.В. Тимошиной, выполнившей интересное докторское исследование по вопросам понимания права Л.И. Петражицким. Автор правильно описывает признаки классического подхода к праву у дореволюционного русского правоведа, но при характеристике «постклассических» аспектов его учения обнаруживается, что интерпретационные процессуальные практики субъектов по конституированию смыслов правовой реальности и обусловленность предмета теоретико-правового знания методом исследования являются «неклассическими», а

¹² Степанищев А.Ф. Рациональность философии и науки: от классики к постнеклассике: монография. Брянск, Изд-во «БГТУ», 2006. С. 153–157.

¹³ Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. СПб.: Изд-во «Алеф-Пресс», 2012. С. 29–101.

наличие у этого знания социокультурных детерминант, историчности и когерентная концепция истины предопределяют его близость к «постнеклассике»¹⁴. Следовательно, отсутствуют четкие критерии разделения «неклассического» и «постнеклассического», а специальное использование в юридической науке термина «постклассика» требует дополнительного обоснования.

Можно выделить три основных затруднения, которые, не отменяя позитивных сторон учения Ю. Хабермаса, препятствуют утверждению в качестве универсальной платформы юридического знания и его «коммуникативной» рациональности: 1) преувеличение роли принципа «различия» в постмодернизме и недостаточное обоснование проблемы единства мира, которое почти аксиоматично для любого здравомыслящего человека (ясно, что «симулякр» далеко не выступает «связывающим» звеном между ними и предполагается, что «понятие» так просто не исчезает с горизонтов познания); 2) противоречие между множественностью легитимированных в обществе языковых и дискурсивных практик («игровой рациональностью») и требованием единого языка объяснения и понимания, на котором должны говорить агенты коммуникации: где и когда возникает всеобщее конвенциональное знание? 3) противоречие между социоцентризмом и персоноцентризмом, которое через противопоставление «истины» и «общезначимости» может привести к доминированию коммуникативного сообщества над индивидом и, в крайних случаях, возрождению неототалитаризма.

Кроме того, проблема новизны научного знания несет на себе не только формальный «отпечаток» того или иного типа научной рациональности, но и выражает суть полемики, продолжающейся и сегодня в юридической литературе по разным аспектам проблемы правопонимания. Речь идет о поиске наиболее фундаментальных понятий, выражающих собой всеобъемлющее начало юридического бытия и к существованию которых можно было бы «свести» все «правовое» в обществе.

Здесь интересно привести дискуссию между профессорами С.И. Максимовым и А.В. Поляковым, первый из которых апеллирует к понятию «правовая реальность», а второй — «правовая коммуникация», хотя сам С.И. Максимов отмечает взаимодополнительность обеих концепций. Добавим, что данная полемика может вестись еще долго, если не принять за компромиссную позицию смыслообразования в праве. С.И. Максимов обоснованно пишет, что правовая коммуникация есть процесс осуществления и воспроизводства права и в качестве результата «встречи» субъектов, погруженных в жизненный мир, возникает смысл права.

Однако с другим суждением С.И. Максимова, высказанным до этого тезиса, о том, что правовая

реальность имеет смысловое строение, а правовые смыслы опредмечиваются в разных проявлениях правовой реальности, мы не можем согласиться в полном объеме. Как лицо, опубликовавшее ряд специальных работ по проблеме смысла права, автор настоящей статьи считает, что «ниспровержение» смысла права до уровня структурных единиц правовой реальности обедняет содержание этой важнейшей общенаучной категории. Напротив, мы убеждены, что правовая реальность — это одно из предельно широких и базовых понятий правоведения, которое выражает отдельную сторону или аспект наиболее общего понятия смысла права, поскольку смысл всегда онтологически «укоренен», вне зависимости от того, включает он «реальное» либо «идеальное» бытие самого права¹⁵.

Не соглашаясь с неокантиански «окрашенным» взглядом С.И. Максимова на правовую реальность (совокупность идеальных представлений о праве), А.В. Поляков противопоставляет ему феномен коммуникации как скореллированного взаимодействия субъектов, после осмысления которого в качестве исходного только и можно высказать суждение об идеальных и реальных связях между компонентами права¹⁶.

Заметим, что право все-таки может содержать априорные конструктивные начала, не подлежащие рефлексии. В соответствии с постнеклассическими философскими идеями и принципами конструктивизма они сами наполняются (иногда часто) новым содержанием в разных условиях, порождая постоянное обращение к коммуникативной среде как общему условию осуществления юридического смыслообразования. Это просто разные философские взгляды на формы проявления правовой реальности и уровни социального бытия права, не «сводимые» друг к другу сейчас, но имеющие перспективы единения в современном постнеклассическом пространстве юридического знания.

По справедливому замечанию академика В.С. Степина, становление постнеклассической рациональности не приводит к исчезновению или уничтожению всех предшествующих ей типов рациональности, а только ограничивает сферу их применения. В некоторых познавательных ситуациях постнеклассика избыточна, а исследователю достаточно ориентироваться на классические и неклассические образцы знания, которые тогда лишь утрачивают статус доминирующих и определяющих облик науки.

Например, в юриспруденции изучение вопросов системы и структуры законодательства предполагает приоритетную роль классической

¹⁴ Тимошина Е.В. Теория и социология права Л.И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 10.

¹⁵ Максимов С.И. Классическая и неклассическая модели осмысления правовой реальности в контексте коммуникативной парадигмы права // Правоведение. 2014. № 6. С. 48, 49.

¹⁶ Поляков А.В. Традиции и инновации как движущие силы развития юридической науки // Правоведение. 2013. № 1. С. 11–13.

позитивно-правовой рациональности, а рассмотрение юридической практики и других связанных с ней элементов механизма правового регулирования (реализации права, правоотношений, законности и др.) «открывает» неклассическую картину правовой реальности. И при анализе проблем правосознания, правовой культуры и правового воспитания неизбежно выходит на первый план постнеклассический аспект познания государственно-правовых феноменов (в единстве гуманизма и ценностей). Между тем все эти «проявления» права суть экспликации общеправовой смысловой универсальности.

Таким образом, смысловой подход к праву позволяет не только оптимально сочетать материально-бытийные и идеально-духовные компоненты феномена «права» в обществе, но и универсализировать алгоритмы получения нового правового знания в единстве классики, неклассики и постнеклассики.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013. 204 с.
2. Ильин В.В. Классика — неклассика — неонеклассика: три эпохи в развитии науки // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 1993. № 2. С. 16–34.
3. Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М.: Изд-во «АН СССР», 1958. 187 с.
4. Максимов С.И. Классическая и неклассическая модели осмысления правовой реальности в контексте коммуникативной парадигмы права // Правоведение. 2014. № 6. С. 41–54.
5. Матузов Н.И. Правовая система развитого социалистического общества // Советское государство и право. 1983. № 1. С. 18–26.
6. Нерсисянц В.С. Философия права: учебник. М.: Изд-во «НОРМА», 2005. 656 с.
7. Полонский В.М. Словарь по образованию и педагогике. М.: Высшая школа, 2004. 512 с.
8. Поляков А.В. Традиции и инновации как движущие силы развития юридической науки // Правоведение. 2013. № 1. С. 6–13.
9. Степанищев А.Ф. Рациональность философии и науки: от классики к постнеклассике: монография. Брянск: Изд-во «БГТУ», 2006. 239 с.
10. Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.
11. Сырых В.М. История и методология юридической науки: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 464 с.
12. Тимошина Е.В. Теория и социология права Л.И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 44 с.
13. Фролов И.Т. Перспективы человека: опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. М.: Политиздат, 1983. 350 с.
14. Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. СПб.: Изд-во «Алеф-Пресс», 2012. 650 с.
15. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 176 с.
16. Явич Л.С. Общая теория права. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1976. 285 с.

The semantic approach to law as an integral foundation of the typology of new legal knowledge

Gavrilova Y.A.,

PhD in Law,

Associate Professor of the Theory and History of Law and State Volgograd State University

E-mail: juliagavr@yandex.ru

Abstract. This article examines the semantic approach to law as a uniting platform in the process of explanation, description and understanding of scientific novelty of legal knowledge. The author believes that the convergence of scientists on questions of the concept of law it is necessary to correlate with these questions, the problem of the nature and specificity of legal knowledge, which is uniform and often varies within appropriate types of scientific rationality: classical, nonclassical and postnonclassical. Therefore, it is proposed author's vision of the solution to the problem of the «irreducibility» of the various approaches to the law (to ensure its integrity or integrative), as the most profound philosophical and ideological basis of such a combination is the sense of entitlement. The author comes to the conclusion that the semantic approach allows to optimally combine the material-existential and ideal-spiritual components of the phenomenon «law» in society, but also to expand the range of algorithms to obtain new legal knowledge in unity of classic, nonclassic and postnonclassic.

Keywords: scientific rationality, scientific novelty, legal knowledge, sense of entitlement, a semantic approach to the law, humanism, legal culture.

References

1. Bodrijjar Zh. Simuljakry i simuljacija. Tula, 2013. 204 s.
2. Il'in V.V. Klassika — neklassika — neoneklassika: tri jepohi v razvitii nauki // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7. Filosofija. 1993. № 2. S. 16–34.
3. Kechek'jan S.F. Pravootnosheniya v socialisticheskom obshhestve. M.: Izd-vo AN SSSR, 1958. 187 s.
4. Maksimov S.I. Klassicheskaja i neklassicheskaja modeli osmyslenija pravovoj real'nosti v kontekste kommunikativnoj paradigmy prava // Pravovedenie. 2014. № 6. S. 41–54.
5. Matuzov N.I. Pravovaja sistema razvitogo socialisticheskogo obshhestva // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1983. № 1. S.18–26.
6. Nersesjanc V.S. Filosofija prava: uchebnik. M.: Izd-vo «NORMA», 2005. 656 s.
7. Polonskij V.M. Slovar' po obrazovaniju i pedagogike. M.: Vysshaja shkola, 2004. 512 s.
8. Poljakov A.V. Tradicii i innovacii kak dvizhushhie sily razvitija juridicheskoi nauki // Pravovedenie. 2013. № 1. S. 6–13.
9. Stepanishhev A.F. Racional'nost' filosofii i nauki: ot klassiki k postneklassike: monografija. Brjansk, Izd-vo «BGTU», 2006. 239 s.
10. Stepin V.S. Nauchnoe poznanija i cennosti tehnogennoj civilizacii // Voprosy filosofii. 1989. № 10. S. 3–18.
11. Syryh V.M. Istorija i metodologija juridicheskoi nauki: uchebnik. M.: Norma: INFRA-M, 2014. 464 s.
12. Timoshina E.V. Teorija i sociologija prava L.I. Petrazhickogo v kontekste klassicheskogo i postklassicheskogo pravoponimaniya: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2013. 44 s.
13. Frolov I.T. Perspektivy cheloveka: opyt kompleksnoj postanovki problemy, diskussii, obobshhenija. M.: Politizdat, 1983. 350 s.
14. Chestnov I.L. Postklassicheskaja teorija prava: monografija. SPb.: Izd-vo «Alef-Press», 2012. 650 s.
15. Shvyrev V.S. Racional'nost' kak cennost' kul'tury. Tradicija i sovremennost'. M.: Progress-Tradicija, 2003. 176 s.
16. Javich L.S. Obshhaja teorija prava. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1976. 285 s.